

"БЕДНЫЙ РЫЦАРЬ" ЕЛЕНЫ ГУРО И "TERTIUM ORGANUM" П. Д. УСПЕНСКОГО

В. ГЕХТМАН

В статье "История рукописи неоконченного произведения Елены Гуро "Бедный рыцарь" " Зоя Эндер указывает на важность для Гуро книги П. Д. Успенского "Tertium Organum".¹ Однако, насколько нам известно, специальное сопоставление идей, изложенных в книге, с текстом повести никогда не предпринималось. Между тем, такое сопоставление, как кажется, имеет смысл, поскольку может объяснить некоторые "темные" места "Бедного рыцаря". Но прежде всего попытаемся описать структуру повести.

Во всякой плоти заключен Дух: "Нет места во вселенной, где бы не было Духа".² Дух выше плоти, но не противостоит ей, потому что "грешная и несовершенная" плоть изначально страдает. "Страдания несут все, несущие плоть" (Л. 62). Поэтому всякое воплощение, т.е. "принятие" плоти, — это уже и принятие страдания. Рыцарь говорит госпоже Эльзе: "Не нам, бесплотным, судить вас. Вы взяли на себя тяжесть, а мы нет. Вы исполнители того, что мы задумаем, но еще более страдаете от этого" (Л. 14). Самая страдающая плоть, в которой дух наиболее закрепощен, — земля: "Земля униженная — по тебе возят и ходят, и ты кроткая" (Л. 7). Одна из сторон подвига Рыцаря состоит как раз в том, что он "не отказался от права быть здесь", то есть на земле, скованной плотью и страданиями плоти; тем самым Рыцарь "приобщился" к плоти и, следовательно, принял на себя страдание.

Но страдание — это путь развития, путь очищения и освобождения закрепощенного плотью духа: "Мать, мать! Пусть растет мое страдание, пусть растет и чистота миру" (Л. 3). Освобождение духа означает исчезновение самого страдания, поскольку дух не будет уже связан с изначально страдающей плотью. Таким образом, страдание всего воплощенного — временно, и его высшая цель —

уничтожение страдания как такового. Условием же такого чуда, как освобождение духа, является безграничная любовь и безграничная вера: "Не знала она <Эльза. — В. Г.>, что это порог, который надо понемногу стереть, грань между видимым и невидимым* — разной плоти <...>. И что века нужны терпеливой веры и любви для этого <...>" (Л. 45).

Итак, через искупляющее страдание, благодаря безграничной вере и любви, Дух, заключенный во всякой — даже самой малой и некрасивой — плоти, освободится и воскреснет. Смерти, таким образом, нет. "Это лишь — ДВИЖЕНИЕ" (Л. 58).

П. Д. Успенский, полемизируя с позитивизмом, предлагает в своей книге "Tertium Organum" новые способы познания ("высшую логику"), которыми постигается истинный мир, "мир, как он есть", характеризующий Успенским как высшее, четырехмерное пространство.³

Предполагаемый взгляд из четырехмерного пространства на наш мир — это "взгляд сверху", при котором можно охватить трехмерный мир "сразу и весь". Достичь подобного взгляда мы можем, лишь развивая свое сознание; пока же сознание не развито, оно так же ограничено, как сознание воображаемого плоскостного существа: "Наше сознание живет на самой плоскости <...> и никогда не поднимается над этой плоскостью. Если бы сознание могло подняться над этой плоскостью, то оно несомненно увидело бы под собой одновременно гораздо большее количество событий <...>"⁴ <курсив автора. — В. Г.>** Возможность этого одновременного "охвата всего" из "четвертого измерения" имеет несколько следствий.

1. Достигший подобного "взгляда сверху" видит мир в единстве и познает не отдельные предметы, а их единую, главную сущность: "Явления, кажущиеся нам совершенно отдельными, могут быть видны оттуда, как части одного целого" (С. 116); "Там не может быть разделенности нашего мира. Все — есть целое" (С. 211). Форма, разделяющая и ограничивающая предметы и кажущаяся в трехмерном пространстве незыблемой, в четырехмерном пространстве теряет свою значимость. Описывая основ-

* Т.е. между плотью и духом — В. Г.

** В дальнейшем авторская разрядка не будет специально оговариваться.

ные свойства многомерного пространства, Успенский замечает: "Там <...> нет ничего, имеющего форму, цвет или запах. Ничего, обладающего свойствами физических тел" (С. 210).

Объединяющим все существа началом является, по Успенскому, сознание. Поскольку материальные свойства оказываются незначимыми, а важна некая скрытая сущность, то Успенский делает вывод: "Там нет ничего мертвого и бессознательного. Все живет, все дышит, все думает, все чувствует, все сознает и все говорит" (С. 210). Материальная форма при "взгляде оттуда" оказывается непостоянной: "<...> мы должны помнить, что мир, как мы его знаем, не представляет собой чего-либо устойчивого" (С. 116), и "там", где изменчивую форму объединяет общая сущность — дух и сознание — "все бесконечно и с нашей точки зрения, перемененно" (С. 211). Изменчивость и незначимость материальной формы осмысливается у Гуро как временность и изменчивость плоти, противопоставляемой вечному и единому Духу, во всякой плоти заключенному. В повести Эльза учится у Рыцаря, представителя иного, духовного мира, пониманию этой единой сути во всем: "И привыкла она понимать един дух во всех вещах" (Л. 10). Представление о единстве и одушевленности всего мира — одно из ключевых положений теософии, которое Успенский воспринял как свойство четырехмерного пространства. Теософия важна для Успенского как одна из систем познания, основанная на "высшей логике", и, описывая свойства многомерного пространства, Успенский часто прибегает к примерам из сочинений теософов М. Мюллера, М. Коллинз, В. Джемса. В системе теософии единство жизни, которое составляет присутствующее во всем сознание — одна из основополагающих идей. Дух создает единство мира разнообразных форм: "Дух соединяет то, что форма разъединяет".⁵ Это делает понятным такой важный для "Бедного рыцаря" мотив, как "вхождение в вещь": "На Новый год стояли на столе белые нарциссы <...>. И вышел из них, и стал среди комнаты юный <...>. Во вторник до 12 часов пошел он с матерью гулять в пригороде. Там были деревья. Он подошел к немного искривленной березе и вошел в нее. Но не только он стал деревом — дерево стало им, и она увидела долговязый и жалостно благой изгиб его стана в дереве и верхние ветки взмахнулись его вихрами и передались небу <...>. После этого она еще часто видела, как он

входил в облака и в животных, в деревья, цветы и метелки трав, независимо от их величины. <...> Однажды она шла по дороге, и он стал по верху сада входить поочередно во все верхушки <...>. Прислуга зажигала у себя перед образом огонек в синем стаканчике, он входил в стаканчик, превращаясь в огонек, трепетал и радовался на краю хрустального цветка <...>" (Л. 8—10). Рыцарь бесплотен, он не закрепощен никакой формой и поэтому способен облекаться в любую. Воплощаясь в различные предметы, меняя форму, Рыцарь-дух как бы соединяет собой все живое и учит Эльзу пониманию того, "что нет во вселенной пустого места и все дух и душа везде" (Л. 58).

Но полный охват единства мира во всем его многообразии для представителя трехмерного пространства, для "земного" человека — невозможен: "Мы никогда не можем охватить всех значений одной данной вещи <...>" (С. 116). Поэтому "самое большое приближение к "истине", какое только возможно для человека, заключается в положении — всякая вещь имеет бесконечное разнообразие значений, и всех этих значений знать невозможно" (С. 115). Это отразилось и в "Бедном рыцаре". Постепенно учась понимать "един дух во всех вещах", Эльза приобретает способность "входить в вещь" и познавать ее смысл: "Они встали в сердце березы, и ветви дерева расходились кругом, как сияние. И она узнала, что смысл дерева — сердце и сияние", но она не может узнать "все смыслы", пока она закрепощена плотью: "Кроме того, у дерева еще тысяча смыслов, но они ей еще не открыты" (Л. 6—7). Рыцарь же — бесплотный дух, постигший высшие законы, — учит: "Каждый смысл вмещает легион — беконечность смыслов, так как закон каждого смысла — бесконечность и многообразие" (Л. 55).

2. Итак, при "взгляде сверху" — "оттуда" — мир виден во всем единстве и открывается скрытая во всем духовная сущность. "Взгляд сверху", таким образом, приобретает другое важное значение — непреодолимость трехмерной формы, поскольку она изменчива и как бы незакрепленная, оказывается мнимой.⁶ Рыцарь, который описывается как существо другого пространства, существо бесплотное, умеет летать и "трехмерные" преграды не замечает. Поэтому подчеркивается, что Рыцарь "всегда уходил" от госпожи Эльзы "не дверью, ведущей в коридор, на лестницу, а через стеклянную дверь, через висячий балкон, где не было лестницы, но зато был розовый закат" (Л. 1). Кроме

того, изменчивость и незакрепленность формы становится в "Бедном рыцаре" источником мотива "плавкости", то есть возможности и естественности перехода формы — и явления — друг в друга:

"Свет и добро очень плавки, они воплощаются во все — печаль в радость, облако в любовь, любовь в сияние воды. И потому они всемогущи.

Переплавилось любовь в облако и сияет призывом" (Л. 10).

Четырехмерное пространство, в котором форма изменчива и, в конечном итоге, незначима, мыслится как безграничное. Тема "границы" чрезвычайно важна для всего творчества Гуро, а "разрушение границы" является позитивным признаком.⁷ В "Бедном рыцаре" как граница осмысляется плоть, которую надо преодолеть, чтобы освободить дух ("нарушить таинство плоти"). Для освобождения духа необходимы любовь и вера, их отсутствие означает закрепощенность (как бы ограниченность) сферы духа плотью, поэтому "неверие" сравнивается с "затворами": "Лежит зелено-голубое, маленькое озеро, идет от него святая свежесть. И молит: "Верьте в мою душу — тогда в ней будет больше силы. А то ваше неверие лежит на мне как затворы! И отделится душа озера от озера и полетит в край негаснущих сокровищ" (Л. 16—17). То, что ведет к освобождению — к снятию границ, — само должно быть безгранично: "<...> есть силы действующие, к ним принадлежит Любовь, Вера, и самая высшая действующая — Вера в Чудо, эта — границ не имеет и кто этой силой действует, тот свободен" (Л. 55); "Любовь — это безграничность" (Л. 60).⁸

Отсутствие трехмерных границ в четырехмерном пространстве имеет еще одно важное значение для "Бедного рыцаря". Поскольку предмет виден из "четвертого измерения" "со всех сторон сразу и изнутри", то он мыслится как прозрачный, проницаемый.⁹ Эта особенность четырехмерного пространства в "Бедном рыцаре" становится источником еще одного мотива — прозрачности. Прозрачность и весь связанный с ней семантический комплекс — "проницаемость", "свет", "просветление" — осмыляется в "Бедном рыцаре" как "утончение", т.е. постепенное уменьшение, уничтожение "плотности" и "плоти", а значит — постепенное снятие границ, мешающих освобождению духа, и приближение к тому будущему, в котором должны

"Даже вещи воскреснуть". Прозрачность и просветление в "Бедном рыцаре" становятся признаком присутствия духа. Рыцарь-Дух входит в растения, животных и предметы: "И всегда было слезное просветление вещи" (Л. 9). И, с другой стороны, признание жизни везде и во всем ведет к свету: "Кто все считает живым и все живое любит, никогда не останется в темноте" (Л. 56). Бедный Рыцарь возвещает собой скорый приход духовного будущего ("Приходит время разрешения уз" — т.е. освобождения от закрепощающей плоти). В этом будущем проявится — воскреснет — духовная сущность, невидимая на земле, зато плоть, мешающая разглядеть эту сущность, исчезнет, станет прозрачной: "Насилия и убийства уничтожатся сами собой. Тогда души станут видимыми, а железные горы прозрачными как стекло, и закричат многие: "Мы не хотим видеть ошибочно!" (Л. 65). Надо заметить, что фраза "мы не хотим видеть о ш и б о ч н о" здесь не случайна: ведь трехмерный мир представляет собой, по Успенскому, лишь "разрез" мира многих измерений, следовательно, принимая этот трехмерный мир — который мы видим глазами — за единственную абсолютную реальность, мы ошибаемся. И только постигая высшее пространство, мы избавляемся от этой ошибки: "Способность видеть телесными глазами ограничена трехмерным миром. Но внутреннее зрение не имеет этого ограничения. Мы можем развить в себе силу зрения в высшем пространстве, можем образовать понятие о реальности в этом пространстве <...> Этим будет положено основание для восприятия других существ" (С. 157). С точки зрения Успенского необходимо развивать и изменять свою способность видеть и представлять вещи "не так, как их видит глаз <...>. А установление такой способности представления <...> должно необыкновенно расширить пределы деятельности нашего сознания <...>" (С. 14). По Успенскому, по сравнению с теми "высшими существами", которые развили в себе эту способность, мы, люди с обычным зрением, "похожи на слепых". Расширению зрения, а с ним и понимания, учит Рыцарь, и начальное, ложное зрение здесь тоже является слепотой: "Человек ослепленный признает только себя живым и достойным жизни, а прозревший первую ступень — себе подобных живыми, имеющими бессмертную душу, — а на третьей открывает, что подобны ему и другие. Светлый видит жизнь везде и радуется ей" (Л. 58).

Противопоставление "телесного" и "внутреннего" зрения делает понятным фрагмент в "Бедном рыцаре":

"И смотрит: меж изумленных звезд летают они. Держит его Дух на руках, как больное дитя <...>.

И смущались внизу и спрашивали: "Как же воплощенный глазами и видит?"

"Внизу" — на "трехмерной" земле — находятся люди, обладающие как раз "телесными глазами", и, стало быть, их зрение ограничено и в данном случае — ложно. Обретение возможности наблюдать то, что происходит в "горних сферах", внезапное "расширение взгляда" до истинного видения их удивляет.

Бесконечное многообразие форм, объединенных духом, осмысляется Гуро как бесконечный процесс жизни, следовательно, постигая Законы Духа, можно обрести бессмертие: "И все, что может переходить от жизни к смерти, от тленности — может стать нетленным, так что сама смерть для вас знамение бессмертия" (Л. 58).

В "Бедном рыцаре" перед нами, по-видимому, еще одна реализация футуристического освоения будущего. Для Хлебникова возможность и необходимость управления будущим — то есть, преодоления смерти — и соединения всего многообразия жизней постигается через нахождение "законов времени", через ч и с л о: "Задача измерения судеб совпадает с задачей искусно накинуть петлю на толстую ногу рока. Вот боевая задача, поставленная себе будетлянином".¹⁰ Отношение к смерти для Хлебникова может изменить нахождение числового выражения закона времени: "<...> мы стоим у порога мира, когда будем знать день и час, когда мы родимся вновь, смотреть на смерть, как на временное купание в волнах небытия".¹¹ Для Матюшина и Гуро преодоление времени и постижение будущего, точнее — вечного, связано с открытием нового пространства. Так, Матюшин в своей статье "Опыт художника новой меры", начатой в 1916 году, писал: "Эти новые искания в пространстве дают новое понимание времени. В прошлом, кроме того, что было, есть еще то, что могло случиться, но не произошло. В будущем есть все возможности того, что случится, но может и не произойти. Здесь мгновение, бежавшее вперед, вдруг остановилось и сотворило путь в обратное; сделалось центром творческим, а не исчезающим в прошлом или будущем".¹² Это совпадает с временной характеристикой

многомерного пространства, данной Успенским: "В этом мире <...> временные события должны существовать, а не случаться, т.е. существовать до и после совершения и лежать как бы на одной плоскости" (С. 210). Так и в "Бедном рыцаре" воспринята эта идея "неразделенного времени", соединяющего прошлое и будущее в грядущем царстве духа:

"Но посвящение истинное начинается нам, где кончается закон плоти <...> и начинается закон духа <...>. Две дороги, прошлого и будущего, соединяются здесь. <...>. Свет свечи светит и вперед и назад. Нет прошлого и будущего тому, кто идет светить" (Л. 54). Бедный Рыцарь пришел на землю не только для освобождения духа от плоти, но и для освобождения времени. Эльза говорит Рыцарю: "Ведь ты пришел нарушить плоть и время <...>" (Л. 11).

Постижение нового пространства дает, таким образом, новое понимание времени как единства прошлого и будущего в вечности.

Мы уже упомянули отражение в "Tertium Organum" теософских представлений. Обращение к теософии помогает понять и тот фрагмент в "Бедном рыцаре", который Н. Башмакова комментирует как вплетение в текст сказки, становящейся реальностью¹³: "Я бегу, бегу, вдруг новый мостик. Светлый, светлый, светлый, с крутого бугра на бугор через речку. Это не мостик сосновый, а мой белокурый сын. И он говорит: "Я мостик через реку, я мостик с одной стороны на другую. Я не смертью был взят, я мостик стал, а ты перейди по мне". Она побежала по нему скорей, чтобы не утомить его, а он уже руки ей протянул, встречает и улыбается". (Л. 17). Этот эпизод, кроме выделенного Башмаковой, имеет еще одно очень важное значение: Рыцарь — бесплотный дух среди всего воплощенного, которое он собой (т.е. духом) соединяет; но дух — это то, что остается после смерти тела, то, что, по теософским представлениям, соединяет человека со всей окружающей его жизнью, бывшей — до его рождения — и будущей, которая случится после его смерти. Рыцарь — "незримый сын" — не воплощен, а во многих фрагментах его бытие — это бытие умершего сына, который после смерти явился к матери бесплотным ("я не смертью был взят"), соединив таким образом "земную" (воплощенную) и "вне-земную" (бесплотную) жизнь. "Светлый мостик с

одной стороны на другую" здесь символ соединения плоти и духа, жизни и смерти, "видимого и невидимого".¹⁴

Наконец, в "Бедном рыцаре" отразилось и значение теософии как синтеза всех религий на основе их этической общности¹⁵: "<...> он протягивал ей руки и смеялся, сияя, и сиял улыбкой, а она спрашивала в очаровании: "Почему на тебе знаки, почему православный крест у тебя на шее, рыцарь?" Но он смеялся и не отвечал. И в комнате был накрыт длинный славянский стол для Пасхи <...> У простого лютеранского стола благочестиво вымыли руки" (Л. 28) <выделено мной. — В. Г.>. Соединение в этом отрывке "православия" и "лютеранства" очень показательно: конфессиональная принадлежность Рыцаря и присутствующих в Светлой Горнице неактуальна. Поэтому стол и "славянский", и "лютеранский" (без объяснения изменения словоупотребления), поэтому Рыцарь не отвечает на недоумение Эльзы: для Эльзы — "ученика" — эти признаки могут еще быть значимы, Рыцарь же учит всеобщему, в том числе и религиозному единству.

Теософия для Успенского была тем способом познания мира, который, в отличие от позитивизма, обращался к тому, что опытом объяснено быть не может, лежит за его пределами, и основывался не на рассудке, а на интуиции. Обращение Успенского к "антипозитивистским" способам познания обуславливает его интерес к оккультизму и изложение им оккультистских представлений. В "Tertium Organum" Успенский упоминает об оккультизме, однако подробно говорит о нем в книге "Четвертое измерение" как об учении, сущность которого составляют методы "проникновения в иные условия существования". Поскольку Успенский был одним из важных для Гуро авторов, и во время написания "Бедного рыцаря" Гуро и Матюшин интересовались проблемой четвертого измерения, можно, как кажется, предположить с большой долей вероятности знакомство Гуро с этой книгой.

В оккультизме есть понятие "астральной материи", находящейся в "астральной сфере" (интересно, что Успенский характеризует "астральную сферу" как пространство, которое "по отношению к нашему физическому миру играет роль пространства четырех измерений"),¹⁶ и "интенсивно думая о другом человеке, представляя себе его лицо и фигуру, создавая мысленно его образ, человек действительно создает его образ совершенно объективно

в астральной сфере, и иногда вкладывая всю свою душу в желание увидеть того человека, он может увидеть этот астральный образ".¹⁷ Это делает понятным ожидания госпожи Эльзы в начале повести: "В доме госпожи Эльзы было окно, розовое в вечерние часы, розовое, как накануне наступающей радости <...>. К этому окну госпожа Эльза садилась каждый вечер и мечтала, нет, она ждала <...>. Но раз, когда она сидела и мечтала, видит в существе своем, вошел к ней воздушный юноша, высокий ростом и тощий <...>. Она подумала, что это ее мечта, и не удивилась <...>. На третий день она сидела, как будто ожидая, но сказала себе: "Ведь это мечта моя — и не захочу, и его на свете не будет, захочу — так и будет со мной" (Л. 1). Рыцарь приходит на землю благодаря ожиданиям Эльзы, и комментарием этого эпизода может служить фрагмент из "Поучений Светлой Горницы": "Когда рождается в мир явление, верьте, кто-то уже молился о том, чтобы родились (освобождает вещи).

Чтобы освободилась вещь, раньше надо явиться свободной мысли — свободной от гнева и закрепощения" (Л. 69). С точки зрения оккультизма "эманация "астральной материи" <...> есть мысль, вылетевшая из головы. Эта эманация может быть притянута астральным телом другого человека и передать его сознанию то, что думал или чувствовал первый".¹⁸ Размышления о "чистых эмоциях", которые единственно могут обеспечить "правильное познание", Успенский продолжает и в "Tertium Organum". "Примесь мелкого, личного, эгоистического чувства делает эмоцию не чистой" (С. 173), поэтому и необходимо освободить мысль от гнева и поэтому Рыцарь учит Эльзу не быть печальной: "Как можешь ты так делать, зачем затемняешь отчаянием и тяжестью? Ведь когда ты так омрачаешься, гаснет твоя звезда на небе, а что делать тому бедняку, который уже привык, чтобы она ему светила? Ты его и не знаешь, — живет где-нибудь. Ради него не должна ты омрачать своей звезды, как бы тебе ни было тяжело" (Л. 40).

"Tertium Organum" П. Д. Успенского — лишь одно из многих возможных указаний на тот круг идей, который лег в основу повести "Бедный рыцарь", и данная заметка является только подступом к проблеме расшифровки этого последнего произведения Елены Гуро.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Эндер З. История рукописи неоконченного произведения Елены Гуро "Бедный рыцарь" // Guro, Elena: Selected Prose and Poetry. Stockholm. — 1988. — P. 121. В ставшей уже достаточно обширной литературе о Гуро собственно "Бедному рыцарю", кроме указанной выше, посвящена еще одна работа: Минц З. Г. Футуризм и неоромантизм (к проблеме генезиса и структуры "Истории Бедного рыцаря" Елены Гуро) // Уч. зап. ТГУ. — Вып. 822. — Тарту, 1988. Работа З. Г. Минц чрезвычайно интересна и важна тем, что в ней подчеркивается полигенетичность "Бедного рыцаря", который анализируется с точки зрения проявления "свободы художественной ориентации писателя постсимволистской эпохи в различных традициях" (Минц З. Г. Указ. соч. С. 114).
- 2 РГАЛИ. — Ф. 134. — Оп. 2. — Ед. хр. 2. — Л. 11. Известно пять вариантов "Бедного рыцаря" (см. об этом указанную работу З. Эндер). Мы пользуемся вариантом РГАЛИ как одним из наиболее полных. В дальнейшем сноски на этот источник будут даваться в тексте с указанием в скобках листа.
- 3 Муж Гуро, М. В. Матюшин, опубликовал в третьем номере журнала "Союз молодежи" (март 1913) статью "О книге Мецанже-Глэза "Du cubisme" ", в которой сопоставляет идеи французских художников с концепциями "Tertium Organum". В этой же книжке журнала Гуро напечатала "Щебет весенних" с показательной фразой: "Мы если и умрем, то вполне веря в бессмертие духа и открытие пространства" (Гуро Е. Щебет весенних // Союз молодежи. 1913. — № 3. — С. 74). Знакомство Гуро с книгой Успенского кажется нам несомненным (первый раз книга Успенского вышла в Петербурге в 1911 г.).
- 4 Успенский П. Д. Tertium Organum. — Пг., 1916. — Изд. 2-е. — С. 35. В дальнейшем ссылки на это издание будут даваться в тексте с указанием в скобках страницы.
- 5 Alba. Русская идея // Вестник Теософии. — 1910. — № 1. — С. 4.
- 6 Ср.: "Предполагается, что в четвертом измерении не может существовать крепостных стен <... >" (Успенский П. Д. Четвертое измерение. — СПб., 1910. — С. 14).
- 7 Ср. запись в дневнике (как известно, дневник и художественные тексты Гуро составляют нераздельное целое): "А

твоя эта светлая ободранность... В ней нарушена какая-то граница!" (ОР РНБ. — Ф. 1116. — Ед. хр. 1. — Л. 8).

- 8 И у Успенского любовь и вера являются теми необходимыми эмоциональными качествами, которые могут подготовить к восприятию нового — многомерного, безграничного — мира: "Для того, чтобы не испытать ужаса от нового мира, нужно знать его раньше или эмоционально: верой или любовью; или интеллектуально — умом" (С. 202–203).
- 9 Ср.: "Из четвертого измерения должно быть можно видеть куб со всех сторон сразу и изнутри <... > хотя бы даже он и казался в трех измерениях совершенно непрозрачным" (Успенский П. Д. Четвертое измерение. — С. 29).
- 10 Хлебников В. Собр. соч. В 5 т. — Л., 1928–1933. — Т. 5. — С. 144.
- 11 Хлебников В. Творения. — М., 1986. — С. 631.
- 12 РГАЛИ. — Ф. 134. — Оп. 2. — Ед. хр. 21. — Л. 11.
- 13 Башмакова Н. "Над далекой полосой отзвука". Финские отголоски в творчестве Елены Гуро // Уч. зап. ТГУ. — Вып. 897. — Тарту, 1990. — С. 155.
- 14 Ср. у Успенского: "Макс Мюллер говорит, что религия является мостом между Видимым и Невидимым, Конечным и бесконечным" <разрядка моя. — В. Г.> (С. 218).
- 15 "Экзотерически все религии разные; в сокровенной своей глубине они дают одно и то же духовное видение, одну и ту же Теософию" (Alba. Теософия и Богостроительство // Вестник Теософии. — 1910. — № 2. — С. 62).
- 16 Успенский П. Д. Четвертое измерение. — С. 69.
- 17 Там же. — С. 66.
- 18 Там же. — С. 73.